

Условия эффективного протекционизма. Размышления С.Ю.Витте и Д.И.Менделеева¹.

Экономическая политика России последних лет все чаще становится предметом жарких дискуссий в контексте дихотомии протекционизм / фритредерство. Предметом споров, как правило, выступают конкретные сюжеты, будь то готовящееся вступление страны в ВТО, принятие поправок к таможенному кодексу или единый таможенный союз с Белоруссией и Казахстаном. И у всех сторон на руках цифры, расчеты, графики. Но, в конечном счете, позиция дискуссантов редуцируется к их фундаментальным экономическим убеждениям, к видению сравнительных достоинств протекционизма и свободной торговли, к условиям их применимости и оправданности.

Одним из самых показательных случаев идеологической реабилитации протекционизма является принятая в январе 2010 г. Доктрина продовольственной безопасности РФ. В ней аргументация неудовлетворительного положения дел на продовольственном рынке страны прямо связывается с долей импорта. Текст Доктрины, по сути, это описание комплекса мер, которые должны привести к желаемому результату, а именно к существенному росту доли самообеспечения россиян продовольствием. Отношение к Доктрине продовольственной безопасности среди экспертов от бизнеса и науки крайне неоднозначное. Одни видят в ней лишь голый популизм и опасную провокацию, другие – здравую экономическую политику, с которой связывают надежды на развитие отечественного аграрного бизнеса. И хотя этот документ вбирает в себя массу частных вопросов, включая оправданность и размер государственной помощи, выбранные отраслевые приоритеты, статистические индикаторы, временные горизонты и т.д., и по каждому из них раздаются противоречивые комментарии от одобрительных до резко критических, однако не будет преувеличением сказать, что главный нерв обсуждения Доктрины связан с вопросом более общим и принципиальным – это отношение к протекционизму.

Отношение столь разное, что предельно заостренная позиция сторон сводится к принятию в качестве синонимов протекционизма «губительного изоляционизма» одними и «благотворного покровительства» другими. Отсюда один шаг до размежевания по линии космополитизма – патриотизма. Конечно, фундаментальным основанием спора о протекционизме является принципиальная позиция по вопросам глобализации, наднационального регулирования, качественных характеристик постиндустриального общества. Но в этот пласт спора мы вникать не будем, тем более, что в истории экономической мысли споры о протекционизме начались задолго до возникновения соответствующих процессов. Мы ограничимся вопросами, непосредственно посвященными политике протекционизма. Не претендуя на исчерпывающий обзор точек зрения по этому поводу, мы познакомим читателей с мыслями двух далеких от экономического иконостаса людей – русского графа С.Ю.Витте² и русского химика Д.И.Менделеева³. Поскольку Витте формулировал свою позицию как комментарии к «Национальной системе политической экономии»

¹ Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0056 «Модели поведения участников продовольственных рынков в рамках реализации доктрины продовольственной безопасности РФ» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

² Титул графа С.Ю. Витте получил за дипломатическое искусство в ходе заключения Портсмутского мира в 1905 г.

³ Не многие знают, что знаменитый русский химик Д.И.Менделеев был авторитетным экономистом своего времени, экспертом в вопросах промышленной политики России.

Ф.Листа, то и немецкий автор будет включен в наш анализ, правда, через толкования русским графом.

Тем, кто считает, что читать работы вековой давности глупо, потому что мир кардинально изменился, по крайней мере, в своей экономической ипостаси, равно как и тем, кому оскорбительны экономические трактаты разных профанов, от графов до химиков, во избежание раздражения эту статью лучше не читать. Поскольку она написана из предположения, что, во-первых, познание не является исключительной привилегией ученых, и люди практики имеют право на обобщающие суждения, а во-вторых, за изменчивостью мира можно не разглядеть преемственности, и со ссылкой на принципиальную новизну переживаемого момента отправить на интеллектуальное кладбище актуальные, здравые мысли. Да и не всегда познание идет по возрастающей, порой потомки путаются в вопросах, на которые уже ответили предшественники.

С.Ю.Витте

В 1889 г. директор департамента железнодорожных дел Министерства финансов С.Ю.Витте пишет брошюру «Национальная экономия и Фридрих Лист», в 1912 г. брошюра была переиздана с расширенным названием «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист».

Читаешь работу С.Ю.Витте и одно чувство неотвязно преследует: какой бы была Россия, дай ей Бог возможность побыть под опекой таких графов. Рекорд Витте по строительству железных дорог за один год не удалось превзойти даже в период советской индустриализации⁴. И какой бы была общественная наука, равняющаяся на такие образцы. Разум и чувства как равноправные составные позиции. Увы, ни России, ни науке таких шансов не выпало.

За пару лет до Первой мировой войны тогда уже министр финансов С.Ю.Витте, видя в росте амбиций и реальных достижений Германии угрозу России, вновь просит современников – посмотрите, что лежит у истоков германских успехов, обучитесь на примере соседа, отдайте должное уму и патриотическому чувству князя Бисмарка. Основу успехов Германии С.Ю.Витте видит в точном воплощении проекта национальной экономии, созданном Фридрихом Листом, чей труд по свидетельствам современников был настольной книгой канцлера. Эти два великих немца воплотили связь идеи и практики.

Величайшим бедствием считает С.Ю.Витте тот факт, что Россия проигнорировала мысли Ф.Листа, полностью подпав под обаяние «космополитической экономии», начала которой заложил Адам Смит. Основатели этой науки, по мнению Витте, «имели в виду все человечество, а не нацию. Они создали не политическую, а космополитическую экономию, исходящую из гипотезы, что нации всего земного шара составляют одно общество»⁵ (с.286). Следуя в области политической экономии на буксире запада, российские интеллектуалы довольно быстро переводили на русский язык книги порой откровенно второсортные, но вписанные в мейнстрим господствующей экономической доктрины. А вот книга Ф.Листа вышла на русском языке с полувековым опозданием⁶! Будучи написанной в 1841 году и достойная того, чтобы стать предметом обсуждения, книга стала поводом для осуждения автора-

⁴ Витте расширял сеть железных дорог как казенным строительством, так и соглашениями с акционерными обществами о том, что те сохраняют в собственности принадлежащие им дороги при условии постройки новых линий, превосходящих длину первоначальных.

⁵ Здесь и далее цитируется работа С.Ю.Витте «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист» (Москва. Изд-во «Европа», 2005).

⁶ «Национальная система политической экономии» Ф.Листа, написанная в 1841 г., на русском языке выходит в 1891 году, то есть спустя два года после публичной поддержки со стороны Витте, что вряд ли случайно.

ретрограда, не понимавшего азов классической политической экономии. Особенно старались англичане, защищавшие не столько свой интеллектуальный продукт, сколько статус величайшей промышленной державы мира, который мог поколебаться, прими европейские правители сторону идей Листа. «Английский министр-рецидент доносил в Лондон, что Лист является самым опасным человеком для интересов Англии» (с.264-265). Его замалчивали, передергивали, карикатурно трактовали. Лист обосновывал условия эффективного протекционизма в то время, когда популярность идей фритредерства стремительно росла. В истории экономической мысли за Ф.Листом закрепился титул умного маргинала, стоявшего на обочине магистрального пути человеческой мысли. Правда, князь Бисмарк не поленился заглянуть на эту обочину и, не вдаваясь в научные споры, кои он, по-видимому, глубоко презирал, своей политической силой проголосовал за идеи Листа. В самой Германии во всех университетах стал читаться курс национальной политической экономии. Но это была посмертная слава, при жизни идеи Листа не были приняты даже исторической школой германских экономистов. С.Ю.Витте пытается образовать (или образумить) своих современников, объясняя систему национальной экономии Ф.Листа, акцентирующей внимание на благотворности протекционизма при определенных исторических условиях. Его не волнует реакция тех, кто «рядится в тогу попугайской учености» и ведет спор на уровне цитирования теорем из учебников политической экономии, его волнует практический смысл идей гениального немца.

Исчерпывающий анализ линий разломов классической политической экономии и системы взглядов Ф.Листа не входит в задачу нашего обсуждения. Ограничимся лишь предельным упрощением, суть которого такова: Лист не зачеркивал суждения Смита и его последователей, но считал, что аксиомы, верно применимые к индивидам или человечеству, не работают при переносе на нации. В основе работ классиков-экономистов Витте вслед Листу видел «тупое доктринерское отрицание всех национальных потребностей» (с.261). И пока человечество не слилось в экстазе братания, и нации остаются реальностью с их нетождественными, а порой и остро противоречивыми интересами, помимо космополитической политической экономии нужна отдельная наука, принимающая нации основными субъектами экономического развития. Эти коллективные акторы в своем поведении могут и должны руководствоваться другой логикой, нежели индивиды. Поведенческие решения рациональных индивидов, более или менее точно описываемые классиками-экономистами, способны привести нацию к катастрофе. От отдельных людей, чье поведение описывается доктриной рационального эгоиста, нельзя ждать готовности к жертвам и лишениям во имя успехов будущего поколения. Ошибка классической политической экономии, по мнению Витте, состоит в том, что арифметическая сумма интересов индивидов приравнивается к национальному интересу.

С.Ю. Витте обращается к работе Листа в контексте споров о том, можно ли и должно ли похоронить протекционизм и стать на пути свободной международной торговли. Очевидно, что в общественном мнении прогрессисты отождествляются со сторонниками фритредерства. Собственно, Витте не по поводу контуров общественной науки печется, ему, как и любому практику, удивительны споры, где смысл так прочно похоронен под грудой слов, что откапывать его он не берется. Он не науку спасает, а Россию предостерегает. Ему нужно решить практическую задачу – убедить соотечественников в том, что в мыслях, а потом и в делах произошла изощренная подмена понятий, в результате чего стерлась грань между принципами внутреннего и международного рынков, а свобода кажется тем безграничнее, чем менее регулируем рынок. Витте, как впрочем и Лист, полностью признает силу и блага конкуренции. Но

принципы внутреннего рынка нельзя автоматически переносить на внешний, равно как отождествлять свободу торговли со свободой вообще.

С.Ю.Витте принципиальный противник идеи экономически открытых внешних границ, оправданных идеей распространения конкуренции на отношения между странами, вне анализа их конкретных исторических условий и сравнительного экономического потенциала. Впрочем, эпитет «принципиальный противник» характеризует скорее его манеру бескомпромиссного политика, нежели догматизм его взглядов. Витте готов признать, что при определенных условиях свободная торговля между национальными экономиками может быть взаимопользительной, более того, единственно правильной моделью их торговых отношений, но это не означает абсолютную и безусловную благодать свободной торговли как таковой. Более того, рецепт фритредерства, выписанный Англией миру, и для вящей убедительности опробованный на себе с демонстрацией чудесных эффектов экономического роста, может привести другие страны к катастрофе. Витте убежден в пагубности этого рецепта для России конца 19 – начала 20 веков. Для русского графа проблема протекционизма – не научная, а практическая. Он говорит о своих убеждениях открыто и ясно, называя себя националистом (как Листа и Бисмарка) и не ведая, что очень скоро это станет почти неприлично и небезопасно. «...Мы прежде всего русские, а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества» (с.268).

Боря Листа в союзники, Витте утверждает, что свободная торговля между странами оправдана и взаимно благотворна лишь при определенных условиях. Либо это торговые отношения равно преуспевших стран, развивших свой потенциал настолько, что конкуренция не способна задушить отечественное производство, адекватное их ресурсной специфике. Либо это торговля вырвавшихся вперед стран с безнадежно отставшими, находящимися на стадиях дикости. Суть торговли в первом случае состоит в разделении труда как механизме смягчения ресурсных ограничений стран, во втором – в подтягивании отстающих народов как неизбежном и непреднамеренном следствии втягивания их в мировую систему. Есть еще вариант, до которого Витте, а тем более Лист не дожили – номинальность границ, объединение стран в союзы (по типу Евросоюза), свободная торговля внутри которых при всей противоречивости экономических последствий для отдельных стран, во-первых, дает участникам выгоды другой природы (политические, военные, культурные), во-вторых, находится под присмотром наднационального регулирования, не исключающего дотации как компенсацию издержек фритредерства. Впрочем, практика эта не такая уж и новая: Лист описывал исторические примеры, когда политическое единение создавало условия для коммерческого.

Ф.Лист периодизировал историю по характеру производства, выделяя пять стадий: 1) дикое состояние, 2) пастушество, 3) земледелие, 4) земледелие и мануфактура, 5) земледелие, мануфактура и коммерция. Народам, находящимся на первых трех стадиях, он однозначно рекомендует политику фритредерства. Закрывание границ для них означает консервацию отсталости. Но решение задач двух последующих стадий он настоятельно советует проводить при радикальном протекционизме. Когда же цель промышленного лидерства достигнута, целесообразно переходить к свободной торговле. Иными словами, применимость фритредерства должна исходить не из общих рассуждений о благе конкуренции, а быть частным решением на основе сравнения экономических потенциалов, стадий развития, переживаемых странами, их ресурсных ограничений. Сторонники фритредерства не устают извлекать из истории примеры губительности ограничений во внешней торговле, и в этой связи обычно вспоминают Венецию. Но этот пример не только не

противоречит идеям Листа, но подтверждает их: протекционизм не панацея, и малым странам со скудными ресурсами протекционизм противопоказан.

Исторические примеры производят сильное впечатление. Например, Англия, захватив в качестве колонии Индию, получила доступ к беспрецедентно качественным и дешевым шелковым и хлопчатобумажным тканям. Английские купцы завалили ими всю континентальную Европу, правители которой, начитавшись классиков-экономистов, искренне верили, что покупать надо там, где дешево. Но сама Англия не позволила себе потребить ни нитки английских тканей. На их ввоз был наложен строжайший запрет. История Англии сохранила довольно экстравагантные указы: после привлечения из Фландрии ремесленников, производящих сукно, король Эдуард III запретил одеваться в чужеземные сукна. Начало промышленному развитию страны положило именно суконное производство. Можно представить себе, как король смешил иноземных послов тем, что носил платье из местного сукна, откровенно не лучшего в Европе. Но получив гарантии охранительного протекционизма, в эту отрасль устремился капитал, развилась конкуренция, и английское сукно стало синонимом качества. Забавно, должно быть, выглядел русский либерал, ратуя за фритредерство и одергивая при этом сюртук из английского сукна, порожденного жестким протекционизмом. Вырвавшись благодаря предельному протекционизму в промышленные лидеры, Англия начала проповедовать теорию свободы обмена, «обморочившую одно время всю Европу» (с.279).

Самым главным и внешне убийственным аргументом фритредеров служит ссылка на ограниченность национального капитала, необходимого для создания благ, включая природные ресурсы, численность населения и т.д. Дескать, спору нет, капитал устремится туда, где ему созданы лучшие условия, но, стало быть, он уйдет из других отраслей, то есть сумма благ, им производимых, не изменится. Таможенная система не ведет к экономическому росту страны, поскольку не способна смягчить ресурсные ограничения. Следовательно, протекционизм как «выдумка взбалмошных умов» абсурден, и его применение свидетельствует только о заблуждениях правителей. И тут С.Ю.Витте разводит руками: ведь уже полвека прошло, как Ф.Лист ответил на этот вопрос. Суть ответа в разделении политической экономии на ту, что посвящена *меновым стоимостям* и воплощена в трудах А.Смита и его последователей, и политическую экономию *производительных сил*, которые создают не капитал, но условия его воспроизводства, и эти условия всегда конкретны в разных национальных воплощениях.

В чем причина богатства? Почти все экономисты того времени от классического до социалистического толка (от А.Смита до К.Маркса) утверждали, что богатство создается только трудом. Ж.Б.Сэй выразил это предельно четко: «Законы не могут создавать богатства». Ф.Лист не спорит с очевидной важностью труда. Но следует ли из этого, что беднеют только ленивые народы? По мнению Листа, законы, действительно, не создают богатства, но создают производительные силы, которые гораздо важнее богатства. У Ф.Листа государство, политическая воля, законы, религия, политические и гражданские учреждения реабилитированы как предмет национальной политической экономии, и не на правах «надстройки» или избыточных довесков к саморегулятивному потенциалу рынка, а как слагаемые производительных сил, направляющие нации на путь процветания или деградации. Экономическая политика есть производительная сила в том смысле, что способствует или препятствует производству меновых стоимостей. Витте: «Таможенная система не увеличивает непосредственно количество материального имущества, а следовательно, и капитала, но развивает и укрепляет производительные силы, которые создают этот капитал»

(с.271). И далее, почти как афоризм: «Способность создавать богатство важнее самого богатства» (с.288).

В поисках эмпирического подтверждения своей теории, Лист анализирует экономическую историю разных стран, в том числе и России. Годы жизни немецкого ученого определили границы анализа. Витте продолжил эту работу. История России, написанная Листом и дописанная Витте, выглядит как маятниковое движение от фритредерства к протекционизму, зачастую под гнетом объективных обстоятельств, а иногда по глупости правителей. Преждевременность – ключевое слово в хозяйственном опыте России, как его трактует Витте. Так, уход в протекционизм, связанный с войнами, континентальной блокадой, ограничительными мерами других стран, был преждевременен для России, не исчерпавшей возможностей свободной торговли для развития своего земледелия. Тем не менее этот протекционизм дал всходы, стимулируя развитие экономики. Но после войны 1812 года Россия, уверовав в свою силу, уничтожает пошлины, решаясь на свободную торговлю, преждевременную в оценках Витте. Неокрепшая промышленность не выдерживает конкуренции, преимущественно английской. Единственное, что отделяет страну от экономического краха, – это неурожай в европейских странах (заокеанского продовольствия в Европе еще не было). Когда же эффект неурожая сошел на нет и Англия ограничила ввоз хлеба, а Канада леса, Россия оказалась в тяжелом экономическом положении и вынуждена была отказаться от фритредерства. Новая экономическая политика, начиная с 1821 г., привлекла в страну капиталы, стимулировала развитие промышленности. Немцы нервно наблюдали за успехами России, а Лист ставил ее в образец и призывал воспользоваться примером русских. Но Россия не оправдала надежд Листа, приняв через десять лет после его смерти, в 1857 г. новый таможенный тариф, продиктованный идеями свободной торговли. Этот либеральный таможенный тариф был навязан России как проигравшей в Крымской войне. Тариф 1868 г. продолжил эту линию. По этому поводу С.Ю.Витте скорбно замечает: «Германия последовала совету Листа. Она воспользовалась нашим примером, но мы им не воспользовались» (с.284). Маятник качнулся в сторону фритредерства, что было ни плохо и ни хорошо, но преждевременно для неокрепшей и еще не готовой к конкуренции русской промышленности. Уроки извлекли, и в 1891 году новый таможенный тариф возвестил о возврате к протекционизму. На этом обзор Витте заканчивается. Эстафету обсуждения проблемы подхватывает Д.И.Менделеев, самым активным образом включившийся в обсуждение таможенного тарифа 1891 г.

Д.И.Менделеев

Д.И.Менделеев давно и безуспешно пытался достучаться до бюрократической элиты России, доказывая, что либеральное таможенное регулирование блокирует развитие отечественной промышленности. Химия не мыслилась ученым в отрыве от производства, что расширяло круг его интересов до принципов промышленной политики. Но во времена министра финансов М.Х.Рейтерна, поклонника идей фритредерства (кстати, организатора продажи Аляски), рекомендации Менделеева-экономиста игнорировали. Стратегический курс Витте совпал со взглядами знаменитого химика. В 1891 г. Д.И.Менделеев пишет трактат «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года».

Таможенное регулирование обсуждается Д.И. Менделеевым страстно и даже патетически. Впрочем, это с позиций современного прочтения, воспитанного на сухом и скучном стиле как первом признаке научности. Но трактат русского химика интересен не разительным контрастом с нынешней стилистикой, но потрясающей

вписанностью в современную дискуссию о правах страны на протекционизм, об издержках этой политики и условиях их оправданности.

Менделеев, по сути, говорит следующее. Протекционизм, как, впрочем, и фритредерство, нельзя оценить вне задач, решаемых страной. А потому примыкать к общему вектору – глупо, поскольку вектор этот определяется теми, кто в экономическом соревновании победил. Это их выбор. И повторять его – не только не приблизиться к победившим, но удалиться от них.

Все доводы, примеры, исторические аналогии этого трактата обращены к Англии. И понятно почему. Трактат написан в 1891 г., когда Англия была безусловным лидером в сферах производства, науки, политики. Принцип внешней торговли, рекламируемый Англией на собственном примере, – свободная торговля. Страны дружными рядами вторили фавориту. И российский рынок стал обрамляться интеллектуальными изысканиями, направленными на легитимацию этого принципа. Будь это просто научный спор, Менделеев, может быть, и смолчал. Ему было, чем заняться. Но он ввязался в дискуссию, полагая, что для России это важный вопрос. Заметьте, не для науки, а для России.

Фактически, вся работа Д.И. Менделеева посвящена вопросу – а нам эта свободная торговля нужна? И почему она нужна Англии? И чему нас учит ее история?

Оказывается, было время, когда великая морская держава была совсем не великой, – на море царствовали голландцы, а внутренний рынок большого острова заполняли промышленные иноземные товары, преимущественно французские. Англия вывозила почти одно сырье, да и то не на своих кораблях. Собственных кораблей англичане почти не строили, потому что получались они дорогими и некачественными. Ничто не предвещало великого будущего. Но роль личности в истории никто не отменял. Легендарный Кромвель издает знаменитый навигационный акт (1651 год), который нельзя расценить иначе как воплощение *радикального, предельного протекционизма*. И действовал этот акт с небольшими перерывами два столетия, будучи отмененным только в 1850 году. Согласно навигационному акту, иностранные корабли могли завозить товары только собственной страны. Уже одно это наносило сокрушительный удар Голландии, чьи корабли подавляюще обслуживали морскую торговлю. Но этим дело не ограничилось. Отныне из английских колоний товары можно было вывозить только в Англию или через Англию. И делать это разрешалось только на английских кораблях, а именно: корабли должны были быть построены в Англии, принадлежать англичанам и команда кораблей на три четверти должна была состоять из английских подданных.

Что было самой скорой реакцией? Как нетрудно догадаться, навигационный акт вызвал колоссальный рост цен на привозимые товары, монопольно высокие прибыли немногих кораблестроителей, замедление развития колоний через ограничение спроса на производимые в них товары. Критика и недовольство были страшной силы. Но политической воли хватило удержать акт в силе. В этих беспрецедентно тепличных условиях, под крылом протекционизма кораблестроение стало расти, перейдя от монополизма к конкуренции с соответствующим ростом качества и снижением цены. Англия стала великой морской державой. А поскольку этот акт шел в обрамлении массы других протекционистских мер, как то запрет на импорт шерстяных тканей, крайне высокие пошлины на текстиль, мануфактурные изделия, зерно и пр., то развились и другие отрасли, которые вскоре стали визитной карточкой страны. Менделеев называет такой протекционизм «возбуждающим» силы производства.

Крайне важный момент: протекционизм не сам по себе привел к таким результатам, и даже не согласованность этих мер со всеми остальными аспектами экономической политики, что крайне трудно достичь, лавируя между группами

интересов. Это условия необходимые, но не достаточные. Протекционизм в Англии дал результат, поскольку был верно выбран объект опеки. Природные условия страны, ресурсная база, трудовая культура были адекватны поставленной задаче. Другими словами, умно выбрали область приложения протекционистских мер. Голландия проиграла на море не потому, что не сочинила аналог навигационного акта, а в силу отсутствия столь же благоприятных ресурсных возможностей, возбуждаемых протекционизмом.

Никто не призывает к принципиальному закрытию границы, но их открытость и участие в мировой торговле должны сочетаться с правильно выбранными объектами протекционистской опеки. «...Протекционизм может быть полезен только при условии существования в данной стране всех естественных условий для развития того вида промышленности, который покровительствуется, для возрождения в ней внутреннего соревнования» (с.324)⁷. Перефразируя знаменитую метафору, не рубить окна надо, а точно и выверено проектировать форточки.

Менделеев постоянно подчеркивает это обстоятельство: протекционизм ведет к монополизму, если ресурсы страны в данной сфере скудные. «Покровительство бесполезно, даже вредно, если в указанном смысле не предстоит никаких видов в будущем» (с.325). При наличии же благоприятных естественных условий и разумной экономической политики монополизм постепенно преодолевается конкуренцией, что ведет к снижению цен и созданию рабочих мест. Терпение и время – необходимые слагаемые успеха при таком подходе. И ростом цен поплатиться придется, и завистью к барышам первых, кто выиграет от протекционизма, и градом обвинений в ретроградстве. Но потерпите, просит Менделеев.

Россия 19 века имела громкие успехи на пути протекционизма. Свеклосахарная промышленность и производство керосина тому примеры. Дешевый американский керосин не оставлял шансов нашим нефтяникам. Достижения ученых-химиков обогащали науку, но оставляли равнодушным бизнес, подкошенный американской ценой. Но правительство гарантировало нефтяникам таможенное покровительство, и спустя двадцать лет Россия из импортера керосина (1860-е годы) превратилась в крупнейшего экспортера (1880-е годы), снизив при этом мировые цены. А казна вместо таможенных пошлин стала получать акцизные сборы. «Не будь таможенной пошлины на американский керосин, не было бы русского» (с.337).

Но ведь Англия ушла от протекционизма, резко скакнув в фритредерство. И позвала за собой все прогрессивное человечество, соблазнив возможностью не петлять в своей экономической истории, а сразу перескочить на финишную прямую лидера. В России, как вы помните, даже Онегин Адама Смита читал, а уж ученые сплошь прогрессистами были. Менделеев не побоялся прослыть ретроградом.

Он считает, что Англия лукавит, выставляя свободную торговлю как универсальное свойство развитого рынка. Да, после двух веков последовательного и умного протекционизма выгоды этой страны связаны с фритредерством. По той простой причине, что конкуренция ей не страшна, а рынки сбыта, приложения капитала – нужны. И что немаловажно, защищая свой зерновой рынок и удерживая цены на хлеб, Англия столкнулась с угрозой политических волнений. Крупный бизнес требовал новых рынков сбыта, возможностей для импорта английского капитала, дешевого импортного хлеба для рабочих. Эту позицию заняла партия вигов, взяв в союзники господствующую экономическую доктрину невмешательства государства в торгово-промышленные отношения. Вместе они добились разворота внешней торговли в

⁷ Здесь и далее цитируется работа Д.И.Менделеева «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года» (Москва, Изд-во «Европа», 2005).

сторону фритредерства. Но страны, не успевшие в силу различных обстоятельств развить адекватные своим ресурсным возможностям производства, повторяя эту модель, рискуют остаться без собственного производства, загубив ростки, поощряемые протекционизмом. Выиграют лишь потребители, да и то временно, пока будет литься золотой дождь демпинговых цен. Потом и это прекратится. Менделеев не против свободной торговли, признавая колоссальные возможности роста экономики на этом пути. Но прежде чем соглашаться на свободную торговлю, нужно исчерпать возможности протекционизма, развить под его охраной те виды деятельности, для которых есть естественные условия. Только результативный протекционизм готовит почву для фритредерства. «Когда раз укрепилось дело – тогда можно соперничать открыто, на свободном поле международного соревнования» (с.324).

Примером разрушительного воздействия фритредерства служит аграрная история Англии. Их образцовое сельское хозяйство держалось на землях лендлордов, для удешевления зерна нужна была земельная реформа. Ее не успели или не решились провести. Свободная торговля в считанные годы смела зерновой рынок Англии, фактически упразднив пашни на карте страны. Конкуренция импорта не ускорила земельную реформу, а сняла этот вопрос с повестки дня ввиду отсутствия объекта реформирования. Трагедии не произошло, этот сценарий дал Англии свои выгоды. Так, дешевый импортный хлеб помог сохранить в стране порядок, обеспечил индустриальный рост рабочими руками разорившихся крестьян, а главное снизил цену английских товаров, что облегчило их распространение по миру. Но на этом примере видно: под катком свободной торговли стремительно деградирует все, что либо не имеет основ для развития, включая климат, ресурсы, трудовую культуру и пр., либо, что важно, не успело укрепиться при наличии высокого потенциала.

В наше время оголтелой политкорректности как откровение звучит банальная в сущности мысль – каждая страна защищает исключительно свои интересы, и имеет на это полное право не только юридическое, но и моральное. «...Законно всеми возможными способами желать и достигать преимущественного блага в своей стране, потому что каждый позаботится о себе» (с.323). Закрыв границу для бельгийских зеркала, Россия спровоцирует несчастье в семье бельгийского рабочего. Но для Менделеева пусть лучше разорится бельгийский рабочий, чем русский. Осуждение со стороны международного сообщества его не волнует, поскольку эта оценка всегда благосклонна к победителям. Обвинения и порицания сменяются восхищением и преклонением, стоит только вырваться вперед. «...А до тех пор пока не попробовали да не достигли, хоть два века буду жить, все буду говорить: наложите пошлины, держитесь протекционизма» (с.333).

* * *

Изложением взглядов Витте и Менделеева можно было бы и закончить. Дескать, вот такой ликбез по истории экономической мысли. И уйти тем самым от острых вопросов о применимости этих идей в наше время. Но рискну выразить симпатию этим идеям, и высказать буквально два соображения по этому поводу.

Первое. Субъектами активной пропаганды и внедрения идей фритредерства всегда были и остаются наиболее успешные страны, лидеры мировой экономики. Знаменитое Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), ставшее основой ВТО, было инициировано единственным экономическим победителем во Второй мировой войне – США. Америка, вышедшая из войны преуспевшей и оторвавшейся вперед от разрушенных европейских экономик, возродила фритредерство. Сравните с ситуацией после Первой мировой войны, когда победителей, по сути, не было, если брать экономический, а не политический аспект победы; в результате на европейском

пространстве установилось многообразие протекционистских режимов. Собираение сил и зализывание ран адекватно политике протекционизма.

Второе. Лист, Витте, Менделеев обсуждали проблемы индустриализации. Но развитые страны решают задачи уже постиндустриальной экономики. Тот же шаг предстоит сделать и России, если она не хочет отстать от мировых лидеров навсегда. Значит ли это, что идеи этих людей безнадежно устарели? Да, если признать, что глобализация полностью устраняет геополитические и геоэкономические противоречия в мировой системе, что создание инфраструктуры экономики знаний не нуждается в целенаправленной помощи национального государства. Согласитесь, что это слишком умозрительные допущения.